

Анализ феноменологии автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода

В.В. Нуркова

кандидат психологических наук, доцент факультета психологии Московского государственного университета им.М.В. Ломоносова

В статье проведен анализ представленных в литературе исследований, в которых показана роль социокультурной детерминации процесса становления и функционирования автобиографической памяти как специфической личностно-когнитивной системы, в сопоставлении с результатами собственных исследований автора, свидетельствующими о возможности углубления разработки этой тематики на основе идей школы Л.С. Выготского.

Ключевые слова: автобиографическая память, детская амнезия, эффект «пика» воспоминаний, культурно-исторический подход

Рост психологических знаний о специфике человеческой памяти, являющихся достоянием культурно-исторического подхода (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.И. Зинченко, А.А. Смирнов, З.М. Истомина, В.Я. Лядис), обуславливает необходимость разработки концепции автобиографической памяти — особого типа памяти, позволяющего личности хранить историю своей жизни.

Автобиографическую память (АП) можно определить как подсистему памяти, оперирующую воспоминаниями о лично значимых событиях и состояниях [7, 9]. Выбор культурно-исторического подхода в качестве методологии анализа АП объясняется тем, что данный подход обеспечивает продвижение в понимании того, как с помощью формирующейся и развивающейся в рамках конкретных социокультурных реалий «субъективной картины личного прошлого» личность обретает возможность сознательной регуляции своей жизнедеятельности [13]. АП как высшая психическая функция (специфически человеческая система организации памяти) является необходимым условием существования временного аспекта самосознания и источником самодетерминации личности [8, 31].

Перспективность взгляда на АП с позиций культурно-исторического подхода признается все большим числом современных исследователей [17, 18, 23, 26, 32]. «Теоретическая оптика» культурно-исторического подхода фокусируется на проблемах возникновения и развития АП в онто- и персоногенезе, ее функциональном репертуаре и особенностях системной организации (единицах анализа и уровнях работы), а также формах опосредствования (социокуль-

турные средства различны: нарративные структуры, меморативные практики, жизненные сценарии).

Целью данной статьи является анализ социокультурной детерминации условий развития и механизмов функционирования АП на примере ряда феноменов, исследованных с позиций концепции Л.С. Выготского.

Возникновение автобиографической памяти в онтогенезе

Память как общая когнитивная способность фиксации и использования прошлого опыта в текущей деятельности обнаруживает свое действие уже с первых мгновений жизни человека [7]. При этом взрослый, располагающий сложившимися формами речевой памяти, сохраняет возможность доступа к информации, зафиксированной на натуральной стадии ее развития (например, мы воспроизводим двигательные навыки, которые были усвоены до появления сознания). В отличие от этого, личностно отнесенный опыт, который составляет содержание автобиографической мнемической системы, оказывается доступным для осознания, т. е. для воспоминания (непроизвольного или произвольного) и активного преобразования (анализа, структурирования и переинтерпретации), только с определенного возраста.

Классические работы в данной области показывают, что в среднем взрослые относят свое первое воспоминание к возрасту трех с половиной лет. В одной из ранних работ [см.: 24] проводится опрос 123 взрослых испытуемых. Никто из них не смог сообщить никаких

автобиографических воспоминаний, относящихся к возрасту до 2 лет, 29% помнили себя только с возраста старше 4 лет и большинство (71%) были убеждены, что помнят события, произошедшие в период, когда им было 2–4 года. В дальнейшем в многочисленных исследованиях были получены аналогичные результаты.

Для обозначения того факта, что события первых лет жизни человека «ускользают» из памяти, З. Фрейдом был введен специальный термин «детская амнезия» [14]. Однако АП не возникает моментально. Даже после преодоления гипотетической «границы» детской амнезии количественные и качественные характеристики воспоминаний о детстве значительно уступают воспоминаниям о любом другом временном отрезке прошлого. Согласно данным Зиглера и Джоржа, воспоминания, относящиеся к периоду до 10-летнего возраста, не превышают 5% от общего числа [30]. В крупномасштабном исследовании Рубина и Бертсен (более 1000 участников) число воспоминаний о детстве варьировалось от 5 до 15% в зависимости от возраста респондентов, значительно сокращаясь по мере увеличения временной дистанции до момента опроса [17].

Феномен «детской амнезии» имеет два классических объяснения, построенных З. Фрейдом и Ж. Пиаже на совершенно разных основаниях. Психопроанализ в качестве причины этого феномена указывает на активное забывание травматичного опыта за счет работы защитных механизмов — вытеснения и подавления социально табуированных содержаний. В традиции, восходящей к Ж. Пиаже [12], ограниченность доступа к опыту детства связывается с ограниченностью социализации и различием в когнитивном функционировании ребенка и взрослого, что, соответственно, вызывает непреодолимые «трудности перевода» содержаний, зафиксированных на дооперациональной стадии развития, на язык стадии формальных операций. Пользуясь как основным понятием «схема», Пиаже считал, что для ребенка до определенного возраста все события его жизни приблизительно равнозначны, рядоположены, синкретичны, поэтому ребенок не может выстроить линию своей судьбы, и АП возникает только при формировании обратимости операций и осмысленной ретроспективы. Позже Э. Шахтель утверждал, что «схемы памяти взрослого — неподходящее вместилище для переживаний раннего детства, а потому они не подходят для хранения этих переживаний и не позволяют их воспроизвести» [15, с. 387]. Другими словами, несмотря на принципиальные различия теорий развития психики, разработанных З. Фрейдом и Ж. Пиаже, в обеих используется термин «амнезия» и предполагается, что автобиографическая информация о событиях раннего детства содержится в памяти, но недоступна для осознания и воспроизведения.

Рассматриваемый феномен не может быть сведен и к обычному забыванию под воздействием временного или интерференционного факторов. С. Ветцлер и Дж. Суини при помощи статистических методов доказали, что эмпирически обнаруживаемая доступ-

ность воспоминаний о периоде до 7-летнего возраста значительно ниже, чем предсказывает основной закон забывания, фиксирующий снижение доступности материала в зависимости от временного интервала между фиксацией и воспроизведением [34]. Таким образом, факт относительно позднего появления автобиографических воспоминаний в онтогенезе, бесспорно, нуждается в разработке более адекватной интерпретации.

Следуя логике концепции Л.С. Выготского (и в первую очередь идеям его полемики по проблеме последовательности стадий развития — аутистической, эгоцентрической и реалистической), можно принять за основу гипотезу, альтернативную позиции З. Фрейда и Ж. Пиаже, и говорить об отсутствии (несформированности) механизма сохранения автобиографической информации в раннем периоде жизни, а не о ее имплицитном хранении в памяти без возможности эксплицитного осознания. Существуют данные о том, что наличие мнемических следов даже крайне значимых для дальнейшей жизни человека событий, произошедших до определенного возраста, не может быть выявлено впоследствии никакими косвенными приемами. Так, известная американская исследовательница Э. Лофтус (доктор психологии и юриспруденции) на основании метаанализа данных об отсроченных последствиях документально зафиксированных случаев пережитого в раннем детстве насилия, о которых не было известно самому человеку, не нашла свидетельств того, что столь драматический опыт может быть обнаружен известными психологической науке методами и связан со специфическими особенностями психологического облика взрослого [21].

С позиций культурно-исторической теории Л.С. Выготского термин «детская амнезия» (вопреки его распространенности) является некорректным, так как означает нарушение работы уже сложившейся структуры памяти, тогда как в раннем детстве АП как самостоятельная мнемическая система отсутствует. АП как подсистема долговременной декларативной памяти (о критериях выделения мнемических подсистем см. подробно: [7]), формируется в качестве новообразования на основе семантической и эпизодической подсистем памяти только в результате совместной мнемической деятельности ребенка и взрослого в конкретной социальной ситуации развития. Принципом организации материала в АП является смысловой принцип (в отличие от организации на основе значений в семантической подсистеме или по фактору времени в эпизодической).

АП развивается по законам высших психических функций, возникая как интерпсихическая (в форме разделенной со взрослым совместной актуализации воспоминания о конкретном событии жизни ребенка с помощью специальных речевых и иных социокультурных средств), а затем, превращаясь в интрапсихическую, внутреннюю форму — новую психическую функцию, что обеспечивает человеку возможность иметь историю собственной жизни.

Важнейшим социальным регулятором формирующейся АП является родительский стиль включения ребенка в автобиографическую беседу, который оказывает значительное влияние как на ситуативные, так и на отсроченные характеристики АП [19]. Дети, родители которых реализуют «разрабатывающий» (high elaborative) стиль общения, т. е. поощряют развернутые детализированные автобиографические рассказы, в отличие от детей «прагматически» ориентированных родителей (low elaborative — pragmatic), стимулирующих обращение только к фрагменту ситуации прошлого, устойчиво демонстрируют более высокий уровень развития АП как по качественным, так и по количественным параметрам при тестировании через три года. «Разрабатывающий» стиль придает автобиографическому воспоминанию смысл самостоятельного действия, управляемого системой вопросов и подсказок взрослого. При «прагматическом» стиле взрослый требует, чтобы ребенок воспроизвел только ту часть информации о прошедшем событии, которая необходима для достижения определенной цели (например, найти потерянный предмет легче, если вспомнить, где ты был). Характеристиками взаимодействия взрослого и ребенка задается зона ближайшего развития АП.

В проведенном нами исследовании [11] родителям предлагалось заполнить опросник, направленный на выявление характерного для них стиля автобиографического рассказа, а затем сравнивались реальные воспоминания детей и их родителей. В парах «родитель—ребенок» как для младшей возрастной группы (4–5 лет), так и для старшей возрастной группы (8–9 лет) выявлено однозначное совпадение в характеристиках автобиографического рассказа. Описывая пережитое вместе событие прошлого, дети и родители используют аналогичные стратегии датировки, демонстрируют сходный уровень эмоциональности и развернутости рассказа.

В нашей работе по сравнению с имеющимися в литературе данными новым аспектом изучения выступили характеристики произвольного самоанализа ребенком точности воспоминания, поскольку проверялась гипотеза, выдвинутая на основе концепции Л.С. Выготского, о специфике становления осознанности и произвольности АП. Критерием этой линии развития являлось возникновение у ребенка тенденции устанавливать истинность своих автобиографических воспоминаний. Эта линия начинается для ребенка с обращения к родителям с вопросами, преследующими цель определить, что в его автобиографическом опыте (сначала только о фактах своей жизни, а затем о своих действиях и характеристиках) соответствует действительности. Для маленького ребенка достаточно трудной задачей является разделение продукции АП и продукции воображения (фантазии). Данные нашего исследования показали, что дети родителей с «разрабатывающим» стилем проявили значимо более высокую компетентность в установлении источника воспоминания, т. е. лучше разделяли фантазийный, артефактный (услышанное от

других) и реалистичный компоненты воспоминания, что является показателем уровня развития АП как высшей психической функции.

Ключевым моментом в развитии культурно-исторического взгляда на ранние автобиографические воспоминания стало обнаружение значительных межкультурных различий в границах «детской амнезии» и выявление коррелирующих с ними особенностей семейного воспитания. Так, по данным К. Ванг [32], представители китайской культуры относят свое первое воспоминание к более позднему возрасту (примерно на 7 месяцев), чем европейцы. При этом различия наблюдаются не только в возрастных, но и в содержательных аспектах ранних воспоминаний. Если в автобиографическом рассказе европейцы реализуют модель «уникальное—яркое—эгоцентричное», т.е. воспроизводят необычные, перцептивно яркие и имеющие в качестве центрального действующего лица самого субъекта эпизоды, то представители восточных культур, наоборот, демонстрируют модель «повторяющееся—типичное (рутинное)—альтерцентричное». Например, типичный рассказ европейской женщины имеет следующий вид: «Мое первое воспоминание — рождественская елка. Я стою на стульчике в ярко красном платье и читаю стишок. Все вокруг хлопают мне». Воспоминание китайской женщины совершенно иное: «Мое первое воспоминание — это то, как отец по субботам читал мне сказки» [33]. В американской культуре у матерей было обнаружено преобладание «разрабатывающего» стиля общения, в китайской — прагматического [32].

Между представителями других культур, например, североамериканской и корейской был зафиксирован еще больший разрыв (до 16 месяцев) [22]. Напротив, в работах Х. Хайн [20] было установлено, что представители народа Маори из Новой Зеландии вспоминают себя с более раннего возраста, чем европейцы (с 32-го месяца). Различия касаются также доступности воспоминаний о детстве и включенности их в каждодневную коммуникацию. За пятиминутный интервал взрослые европейцы в среднем могли назвать около 10 эпизодов детства, в то время как китайцы — только 5. По данным исследования, выполненного под нашим руководством [4], россияне занимают промежуточное положение между китайцами и европейцами (табл.). Полученные различия можно связать с особенностями коммуникации взрослых с детьми, в частности с поощрением запоминания и рассказывания в семейном кругу автобиографических историй.

Убедительным результатом, поддерживающим рассматриваемую гипотезу о связи возраста первого автобиографического воспоминания с закрепленными в культуре паттернами родительско-детского взаимодействия, является метаанализ Д. Рубина [27]. Подвергнув математической обработке более 11 000 датированных воспоминаний испытуемых, принадлежащих к европейской культуре, о своем детстве, он подтвердил универсальность полученно-

Различия между характеристиками воспоминаний о детстве у китайских, российских и западноевропейских респондентов [32, 4]

Свойства воспоминаний о детстве	Китайцы	Россияне	Европейцы
Средний возраст самого раннего воспоминания	49 мес.	52 мес.	42 мес.
Уникальность опыта	Рутинный	Уникальный	Уникальный
Подлежащее	Другой	Другой	Я
Содержание	Социальные отношения	Переживания	Переживания
Степень развернутости	Сжато	Развернуто	Развернуто
Доступность	5 восп./5 мин.	6,5 восп. / 5 мин.	10 восп. / 5 мин.

го распределения вне зависимости от пола и возраста респондентов, а также от конкретной методики получения данных.

Возвращаясь к проблеме «детской амнезии», подчеркнем в заключение, что кросс-культурные исследования последних лет рассматривают эффекты взаимодействия ребенка с близким окружением и в качестве причин забывания автобиографически значимого материала [18]. Поскольку автобиографический рассказ представляет собой «превращенную форму» разделенной в диадическом взаимодействии со взрослым деятельности, то, соответственно, только при наличии закрепленных культурных практик, инициирующих и поддерживающих такую деятельность, возможно появление и развитие АП как самостоятельного вида памяти как высшей психической функции.

Таким образом, автобиографические рассказы как социокультурно варьирующие формы нарративов [13], нормируя взаимосвязь структурно-функциональных и содержательных аспектов, организуют воспоминания ребенка о себе (фактах своей жизни, своих поступках, желаниях, свойствах и т. д.). Само слово автобиография происходит от греч. *auto*, — само, *βίος* — жизнь и *γραφή* — описание, т. е. буквально — собственное жизнеописание, что фиксирует факт существования данного вида памяти в речевой, опосредствованной словом форме. Эти рассказы инициируются и структурируются взрослым во взаимодействии с ребенком для решения определенных задач (прагматического, коммуникативного, рефлексивного, саморегуляционного плана). Затем, интериорируясь, они начинают существовать в форме внешней речи «для себя» и лишь затем приобретают «превращенную» внутреннюю форму — АП.

Изложенные выше эмпирические доказательства позволяют признать фундаментальную социокультурную детерминированность явления, по традиции вслед за З. Фрейдом называемого «детской амнезией». Данные убедительно свидетельствуют, что даже первое детское автобиографическое воспоминание — это не природный, а культурный факт, прояв-

ляющийся в специфичном процессе интериоризации модели детского опыта в рамках конкретной социальной ситуации развития, формирующийся в разделенной со взрослым деятельности по созданию рассказа на основе актуализации и конструирования мнемического материала, соответствующего критериям автобиографического.

Жизненные сценарии как социокультурные детерминанты развития автобиографической памяти

Начальный этап формирования АП связан с фиксацией и воспроизведением разрозненных событий жизни ребенка. В ходе ее дальнейшего развития происходит становление макроструктуры, которая во многом определяется интериоризованными культурными схемами и сценариями, организующими мнемический материал во взаимодействующие системы «жизненных периодов», «жизненных тем», «личностных этапов».

Понятие «культурный жизненный сценарий» относится к разделяемым большинством членов культурной общности представлениям о типичном содержании и «расписании» жизненных событий, а также приписываемой им значимости и валентности. Культурные жизненные сценарии, содержащиеся в сказках, мифах, произведениях искусства, транслируемые СМИ и т. д., являются идеальными, усваиваемыми человеком средствами организации структуры АП. Культурные сценарии предписывают, что следует помнить человеку о своей жизни, т.е. определяют критерии отбора автобиографически значимого материала, а также социальные ожидания возраста наступления конкретных жизненных событий (например, вступления в брак, рождения ребенка и т. п.). Поскольку культурные жизненные сценарии присваиваются человеком по мере социализации, с их помощью опосредствуется как отбор автобиографической информации на стадии запечатления, так и приоритеты при ее извлечении.

В исследовании, проведенном Д. Рубином и Д. Бернтсен [26] на датской выборке, испытуемых просили указать семь наиболее вероятных событий жизни человека, датировать их и оценить (по 7-балльной шкале) по критериям величины вероятности их присутствия в жизни самого испытуемого, субъективной позитивности и важности этих событий. Авторами было установлено три основных факта. Во-первых, культурные сценарии жизни достаточно четко определены и разделяются большинством членов сообщества (наиболее часто указываемые события составляли 90% от всего корпуса событий). Во-вторых, культурные сценарии включают в себя преимущественно социально желательные, позитивные события. И, в-третьих, даты событий, вошедших в культурные сценарии, образуют эффект «пика» — шесть из семи наиболее часто упоминаемых событий относятся к возрасту 16–30 лет. На основании этого Д. Рубин и Д. Бернтсен делают вывод, что эффект «пика» представляет собой реализацию механизма структурирования поступающей автобиографической информации в соответствии с универсальными правилами организации жизненного сценария.

Аналогичная работа была проведена нами на российской выборке [10]. При сопоставлении данных был обнаружен ряд различий, касающихся представленности в жизненных сценариях периода детства. Все респонденты из российской выборки оценили те или иные события детства как значимые и включили их в жизненный сценарий типичного человека, в то же время среди датских респондентов таких оказалось всего 66%. Российские испытуемые упоминают три события, которых нет в датской выборке: «рождение», «детский сад», «школьные годы». Таким образом, в российском культурном сценарии жизни шире представлен конструкт «детства», тематически и эмоционально противоположный конструкту «утраты и потери» («смерть близкого», «смерть родителя»), присущему западноевропейскому сценарию. Отметим, что такое событие, как «рождение» (включено в сценарий жизни 36% российских респондентов), естественно, не предполагает собственной активности субъекта автобиографии, что сообщает российской культурной модели детства аспект пас-

сивности и хорошо согласуется с децентрированной позицией относительно детского опыта.

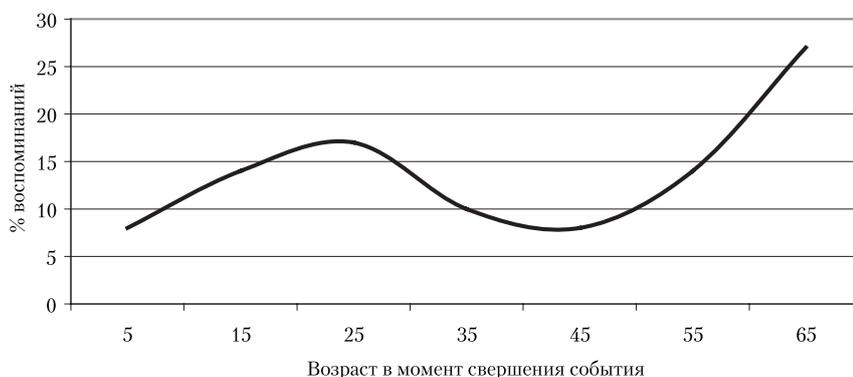
Таким образом, и на российской выборке мы подтвердили, что, хотя жизненные сценарии и обладают культурной специфичностью, которая выражается в содержании и социальной желательности возраста наступления событий, тем не менее, обнаруживается высокая доступность воспоминаний, относящихся к возрасту 16–30 лет (так называемый универсальный эффект «пика»). Очевидное объяснение этого устойчиво обнаруживаемого разными исследователями факта состоит в признании преимуществ автобиографической информации, включенной в культурный сценарий жизни, при фиксации и извлечении.

Высокая социальная значимость детства, его роль в становлении личности и определении ее судьбы прослеживается в современных жизненных сценариях различных культур. Однако такой вариант понимания социокультурной детерминации, не учитывающий принципы активности и самодетерминации личности, с позиций школы Л.С. Выготского представляется достаточно механистическим. На примере изучения эффекта «пика автобиографических воспоминаний» в сопоставлении с данными наших исследований рассмотрим преимущества концепции школы Выготского в формировании исследовательской программы изучения АП.

Исследование эффекта «пика воспоминаний» с позиций подхода Л.С. Выготского

В середине 80-х гг. XX в. в рамках еще только начинающихся складываться знаний о механизмах работы АП был впервые описан [28] эффект «пика автобиографических воспоминаний» (the reminiscence bump), опровергающий ожидание, что «кривая забывания» в АП имеет форму, аналогичную классическому закону Эббингауза, т. е. представляет собой монотонно угасающую в зависимости от времени функцию (см. рисунок).

Для объяснения формы эмпирически полученной кривой (средний возраст респондентов составлял примерно 70 лет) авторы предположили, что в

Распределение числа автобиографических воспоминаний в зависимости от возраста свершения событий (по Rubin et al, 1986)

распределение числа воспоминаний вдоль оси времени вносят свой вклад три независимых компонента: 1) возрастающее число воспоминаний о событиях, произошедших за несколько лет до опроса, что отражает согласованную работу «оперативной» составляющей АП и эпизодической подсистемы; 2) малое число воспоминаний о раннем детстве, что отражает явление «детской амнезии»; 3) «пик воспоминаний», относящийся к интервалу 16–30 лет, что отражает социальную значимость этого периода жизни.

Показано, что эффект «пика» усиливается при изменении инструкции. Если просить испытуемых вспомнить наиболее яркие и важные события прошлого; или вспомнить события, которые они хотели бы включить в свои мемуары; или рассказать историю своей жизни в произвольной форме, процент воспоминаний, относящихся к периоду «пика», повышается с 17% до 57% [17].

В настоящее время эффект «пика» объясняется или как результат присвоения культурных жизненных сценариев (см. выше), или рядом иных причин [17]. Так, исследователь «календарных» эффектов в АП М. Шам связывает «пик» с периодами «первых опытов», которые запечатлеваются в памяти из-за своей новизны. По мнению автора, такие моменты становятся «опорными точками памяти», и человек часто обращается к ним в дальнейшем [29].

Существующие интерпретации эффекта «пика автобиографических воспоминаний» признают универсальность природы его детерминации. Основываясь на идеях Л.С. Выготского, можно предположить, что эффект «пика» определяется не только универсальными механизмами социализации, но и механизмами самодетерминации.

Считая АП одним из главных ресурсов формирования и поддержания идентичности, мы предполагаем, что человеку особенно важно иметь развернутые и доступные воспоминания о тех периодах жизни, в которые происходило определение его идентичности (Я был — Я стал). Такая ситуация наиболее характерна для возрастного периода 16–30 лет, когда происходит обретение первой стабильной идентичности [16]. Социокультурная универсальность эффекта «пика» может быть именно следствием процесса обретения идентичности. Однако идентичность не достигается человеком раз и навсегда. На протяжении жизни человек многократно использует ресурс АП как средство регуляции своей идентичности в ситуации, когда возникает необходимость ее переопределения. Такие периоды маркируются в АП как воспоминания о «переломных» событиях [9]. Переломные события играют важную роль в становлении личности. Когда снова и снова возникает вопрос: «Какой я?», происходит обращение к воспоминаниям о событиях, связанных с периодом кардинальных личностных изменений, что обеспечивают субъекту возможность рефлексировать путь развития, разбивая его на осмысленные этапы. Переломные события воспринимаются субъектом как маркер для состоя-

ния «прерванной идентичности». Концентрация важных событий вокруг переломного события должна обеспечивать максимальный доступ к их содержанию.

В соответствии с изложенным выше, мы выдвинули гипотезу, что полученный авторами универсальный эффект «пика воспоминаний» представляет собой результат суммирования и усреднения эмпирических данных об индивидуальных «пиках воспоминаний». Тогда следует предположить, что необходимый в жизни каждого человека (и, следовательно, общий для всех) этап становления идентичности в юношеском возрасте сменяется глубоко индивидуальной конфигурацией уникальных переломных событий, которая и формирует неповторимую архитектуру АП личности.

В нашем исследовании [10] испытуемым предлагалось изложить свою автобиографию, датируя каждое воспоминание, а затем описать и датировать переломные события прошлого. Полученные ряды дат сопоставлялись между собой с помощью специально разработанной статистической процедуры. Анализ данных показал, что наряду с универсальным «пиком воспоминаний» выявляется и индивидуальная для каждого испытуемого конфигурация участков временной оси прошлого, характеризующихся более высокой плотностью воспоминаний. Наиболее доступные для воспроизведения автобиографические воспоминания группировались вокруг воспоминаний о переломных событиях. Возрастающая доступности воспоминаний из периодов, окружающих переломные события, носит степенной характер.

Таким образом, эффект «пика воспоминаний» в АП не является исключительно возрастным универсальным феноменом. В его формирование вносит вклад не только общий фактор форматирования воспоминаний о прошлом согласно культурным сценариям жизни, но и фактор индивидуальной конфигурации событий, пережитых в качестве переломных. АП становится культурно обусловленным средством регуляции личности. Автобиографическая идентичность, выражающаяся в переживании единства и неповторимости личной истории, преемственности этапов жизни, вопреки ситуативной изменчивости обстоятельств дает человеку понимание собственной уникальности и ценности. Рефлексия личной истории конкретизирует представления о смысле жизни и своем предназначении [8]. АП зрелой личности — результат сложного процесса интеллектуально-эмоционального анализа и рефлексии истории собственной жизни. Высшими уровнями культурно-исторической интеграции «субъективной картины жизненного пути личности» являются: 1) индивидуальный концепт судьбы, отражающий кристаллизованные социокультурные и индивидуально-личностные смыслы; 2) интегральная идентичность личности.

АП имеет уровневую структуру: уровень конкретных эпизодов-случаев, уровень важных «судьбо-

носных» воспоминаний, уровень жизненных тем и уровень целостного интегрального представления о своей судьбе. Причем каждый из уровней характеризуется использованием различных систем культурных средств для организации автобиографического опыта. Одним из таких индивидуализированных средств, позволяющих произвольно обращаться к АП, является личная фотография.

Фотография как культурное средство регуляции автобиографической памяти

Изобретение фотографии в середине XIX в. оказалось в резонансе с уже существующей у личности потребностью осознавать историю своей жизни. В монографии автора [6] подробно рассмотрена роль личной фотографии в реализации различных функций АП.

Роль фотографии в контексте функции *достижения социальной солидарности* — это удостоверение факта принадлежности к некоей виртуальной общности. Фотография позволяет организовать самопрезентацию через интерпретацию контекста ее получения. Например, практика «фотографии со знаменитым человеком», которая обычно осуществляется в результате случайного стечения обстоятельств, в акте коммуникации становится доказательством дружеских отношений, повышает «социальный рейтинг» и позволяет получить ряд психологических привилегий при вхождении в новую социальную группу. Устойчивые социальные группы собирают фотоархивы (военные, профессиональные и т. д.), которые позволяют в момент общения актуализировать пласт совместно пережитого опыта. Фотография становится «фундаментом» коммуникации. Диссонанс прошлого и настоящего в коммуникации преодолевается с помощью обсуждения совместных фотографий. Если, осуществляя общение по поводу прошлого, люди рассматривают фотографии, это значительно оживляет эмоциональные связи, которые в настоящая момент уже не являются актуальными. В то же время фотографии выявляют схожесть фрагментов опыта при вступлении в новую общность («И я был там», «И я служил в тех же войсках» и т. д.).

Часто самопрезентация уточняется демонстрацией с помощью фотографий своих атрибутов, того, что человек называет «своим». Для этого предъявляют фотоснимки членов семьи, жилища, домашних животных, автомобиля и т. д. Фотографические копии значимых объектов позволяют сразу наметить важную для субъекта тематику общения. Степень «сокровенности» изображений задает при этом границы интимности (например, официальный портрет супруга или снимок членов семьи в неформальной обстановке). Думается, что показ своих детских фотографий может быть расценен как обещание максимально искреннего общения, свободного от формальных условностей.

С помощью презентации своей биографии в форме серии фотографий, относящихся ко времени молодости и зрелости, пожилые люди стараются обеспечить *преемственность опыта и традиций*. Образные средства перестраивают процесс коммуникации. Коммуникация углубляется: так как видимое симультанно уже присутствует на фотоизображении, возникает необходимость описания своих чувств и переживаний в момент свершения того или иного события или при прохождении жизненного этапа.

Отбор успешных и «отбраковка» неэффективных способов поведения при *выработке стратегии принятия жизненно важных решений* на основе собственного интеллектуального, нравственного и эмоционального опыта осуществляется на основании сопоставления настоящего момента с событиями, пережитыми в прошлом. Этот процесс оказывается наиболее эффективным в том случае, если он подкреплен иллюстративным материалом в виде фотографий, зафиксировавших с непреложной визуальной очевидностью ситуации успеха и провала.

Одним из способов *самопознания* служит обращение к фотографии. Фотография, особенно сделанная спонтанно, зачастую вызывает бурную эмоциональную реакцию: «Неужели я такой?». Впоследствии самоанализ и сбор экспертных оценок расширяют содержание «я-концепции» или меняют значимость отдельных параметров в ее структуре. Окружающие, рассматривая фотографию, делают предметом обсуждения скрытые до этого от самого субъекта свойства. Например, замечания типа «Какие у тебя грустные глаза на этой фотографии» или «Почему у тебя такой растерянный вид?» обращают внимание на те аспекты, которые не были ранее включены в «я-концепцию». Таким образом, фотография служит изменению набора параметров и/или их иерархической организации в структуре «я-концепции» и, следовательно, трансформации самооценки. Различные варианты изменения самооценки (трансформация значимости ее параметров, интеграция или дезинтеграция и т. д.) соотносимы с реакцией на обращение к фотографиям, относящимся к различным периодам жизни.

Фотография, выхватывая мгновение жизни, делает его «опорной точкой», из которой разворачивается акт познания. Обращение к массиву фотографий провоцирует субъекта на раздумья над вопросами: «Кто я есть?», «Как я стал тем, кто я есть?». Совокупность фотографий для современного человека является своеобразным «сухим остатком» жизни, его визуальной истории.

Особую группу снимков, опосредствующих динамическое изменение самоидентичности, составляют фотографии типа «до» и «после», где само переломное событие не находит своего отражения, но может быть реконструировано в сопоставлении зримых перемен, которые оно вызвало во внешнем облике субъекта («После развода я очень постарела») или в представленных на фотографии обстоятельствах жизни («Вот такая вилла у меня была до дефолта»).

При разглядывании фотографий обнаруживается граница интервала самоидентичности, что ведет к феномену «непохожих» фотографий, когда наблюдается расхождение между физическим обликом себя—настоящего и себя—прошлого. Люди различаются по степени чувствительности к различиям на разновозрастных фотографиях. При этом можно предположить, что в появлении феномена отчуждения от своих фотоизображений более значимы не физические параметры (потолстел-похудел, изменила цвет волос и т. д.), а личностные характеристики, ключом к пониманию которых и является фотография. Фотография несет в себе «вкус эпохи», объективирует те аспекты воспоминания, которые не несут событийной нагрузки и поэтому, не будучи отраженными на фотографии, стираются из памяти (мода, предметная среда и т. д.).

Одно из проведенных нами исследований [6] показало, что, вспоминая личные фотографии, люди неосознанно группируют их вокруг временных периодов, заключавших в себе серьезные жизненные и личностные перемены.

Таким образом, использование фотографии повышает уровень произвольности и осознанности АП, позволяя более эффективно эксплицировать автобиографические воспоминания, «материализуя» их форму. Обращение к хранящемуся в памяти автобиографическому материалу с использованием «фотографического ключа» облегчает и структурирует процедуру доступа к необходимой в данный момент информации о собственной жизни, актуализируя ее во всей полноте чувственного образа, погруженного в пласт социокультурных значений и индивидуализированную систему смыслов. Личный архив фотографий позволяет достигнуть временной и смысловой упорядоченности воспоминаний о прошлом. Фотография, таким образом, взяла на себя роль специального средства, обеспечивающего постоянную связь и эффективную коммуникацию между психологическим прошлым и психологическим настоящим. Регуляция АП происходит с опорой на физически существующие фотографии (внешнее средство), но и сами фотографии становятся содержанием АП («ментальные фотографии»). Тогда воспоминания о значимых фотографиях выступают в качестве внутреннего идеального средства регуляции АП.

Концептуальность автобиографической памяти

Интеграция отдельных жизненных событий в целостную систему АП и появление систематизированной истории собственной жизни — развивающийся процесс, результирующей которого являются представления человека о своем «жизненном пути».

Только с определенного возраста, характеризующего переход к персоногенезу (термин и концепция

принадлежат А.Г. Асмолову), начинается концептуализация событий жизни и формирование целостных конструктов «моя жизнь», «моя биография», «моя судьба», опосредствованных социокультурными нормами, практиками (включая религиозные), символическими системами (используемыми обобщения разного типа — от метафор до понятий). Интеграция отдельных воспоминаний в связанную смысловыми (частный случай — причинно-следственными) и временными отношениями систему АП опосредствуется развитием концепции «судьбы». Линия развития, отражающая процессы концептуализации и интеграции, ведет к изменению структурных единиц на микроуровне, дифференцируются различные типы воспоминаний о жизненных событиях — «ярких», «важных», «характерных» и «переломных».

Сформировавшись в качестве высшей психической функции, АП сама приобретает статус психологического орудия регуляции когнитивных и личностных процессов. АП служит базисом эффективного развития основных механизмов, обеспечивающих самодетерминацию личности в социокультурном пространстве ее бытия (экзистенциальные функции АП): формирования идентичности, установления интервалов самоидентичности личности, самопознания, самоопределения, осознания личной уникальности, финальной интеграции.

* * *

Исследования АП в рамках культурно-исторического подхода дают возможность выявить фундаментальные системные закономерности ее детерминации. Методология культурно-исторического подхода позволяет системно интегрировать обширный фактологический материал, накопленный в рамках различных исследовательских программ, и является новым вариантом воплощения принципа изучения психики в «естественном контексте», сформулированного У. Найссером в качестве главного направления развития современной психологии [5].

Перспективность исследования проблематики АП с позиций культурно-исторической концепции Л.С. Выготского продемонстрирована нами на примере таких феноменов, как «детская амнезия», эффект «пика автобиографических воспоминаний», интериоризация «культурных жизненных сценариев». Анализ специфических культурных орудий опосредствования АП (фотографии как социальной практики) позволил проследить динамику их «психологической судьбы» в ходе формирования изучаемой высшей психической функции, обнаружить сложные формы взаимодействия процессов социализации и индивидуализации, ведущие к преобразованиям целостного психического облика человека.

Литература

1. Адлер А. Наука жить. Киев, 1997.
2. Выготский Л.С. Лекции по педологии 1933–1934 гг. Ижевск, 1996.
3. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций: Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983.
4. Масолова Г.Ю. Характеристики воспоминаний о детстве как инструмент оценки психологического благополучия личности // Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2007»: Сборник работ. М., 2007.
5. Найссер У. Память: какие вопросы важны? // Когнитивная психология памяти / Под ред. У. Найссера, А. Хаймена. СПб.; М., 2005.
6. Нуркова В.В. Зеркало с памятью: Культурно-исторический анализ феномена фотографии. М., 2006.
7. Нуркова В.В. Память // Общая психология: В 7 т. // Под ред. Б.С. Братуся. Т. 3. М., 2006.
8. Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2.
9. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000.
10. Нуркова В.В., Митина О.В., Яценко Е.В. Автобиографическая память: «Сгущения» в субъективной картине прошлого // Психологический журнал. 2005. № 2.
11. Нуркова В.В., Никанорова Л.В. Онтогенез автобиографической памяти в свете теории Ж.Пиаже // 15th Advanced Course of the Jean Piaget Archives: Abstracts. Geneva, 1998.
12. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1994.
13. Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2.
14. Фрейд З. Избранное. М., 1989.
15. Шахтель Э.Г. К вопросу о памяти и амнезии на события детства // Когнитивная психология памяти / Под ред. У. Найссера, А. Хаймена. СПб.; М., 2005.
16. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
17. Berntsen D., Rubin D.C. Emotionally Charged Autobiographical Memories Across the Life Span: The Recall of Happy, Sad, Traumatic, and Involuntary Memories // Psychology and Aging. 2002. Vol. 17.
18. Fivush R. Maternal Reminiscing Style and Children's Developing Understanding of Self and Emotion // Clinical Social Work Journal. 2007. Vol. 35.
19. Haden C.A., Haine R.A., Fivush R. Developing narrative structure in parent – child reminiscing across the preschool years // Developmental Psychology. 1997. Vol. 33.
20. Hayne H. Earliest memories in Maori New Zealanders // Memory. 2000. Vol. 8. № 4.
21. Loftus E.F., Ketcham K. The Myth of Repressed Memory. N.Y., 1994.
22. Mullen M. Earliest memories of Caucasian Americans and native Koreans // Cognitive Development. 1995. Vol.10. № 3.
23. Nelson K., Fivush R. The Emergence of autobiographical memory: A Social cultural developmental theory // Psychological Review. 2004. 111.
24. Evolution and Development of Human Memory Systems // B. Ellis & D. Bjorklund (eds.). Origins of the Social Mind: Evolutionary Psychology and Child Development. N.Y., 2005.
25. Pillemer D.B. What is remembered about early childhood events? // Clinical Psychology Review. 1998. № 18 (8).
26. Rubin D.C., Berntsen D. Cultural Life Scripts Structure Recall from Autobiographical Memory // Memory & Cognition. 2004. Vol. 32. № 3.
27. Rubin D.C. The distribution of early childhood memories // Memory. 2000. Vol. 8. № 4.
28. Rubin D.C., Wetzler S.E., Nebes R.D. Autobiographical memory across the adult lifespan // D.C. Rubin (ed.). Autobiographical memory. Cambridge, 1986.
29. Shum M.S. The role of temporal landmarks in the autobiographical memory processes // Psychological Bulletin. 1998. № 124.
30. Siegler I.C., George L.K. Sex differences in coping and perceptions of life events // Journal of Geriatric Psychiatry. 1983. Vol. 16.
31. Tulving E. Origin of Autonoesis in Episodic Memory // H.L. Roediger III and J.S. Nairne et al. (eds) The Nature of Remembering: Essays in honor of Robert G. Crowder. Washington, 2001.
32. Wang Q. Infantile amnesia reconsidered: A cross-cultural analysis // Memory. 2003. № 11(1).
33. Wang Q., Leichtman M.D., Davies K.I. Sharing memories and telling stories: American and Chinese mothers and their 3-year-olds // Memory. 2000. № 8.
34. Wetzler S.E., Sweeney J.A. Childhood amnesia: An empirical demonstration // D.C. Rubin (ed.). Autobiographical memory. Cambridge, 1986.

Analysis of the Phenomenology of Autobiographical Memory within the Framework of Cultural-Historical Approach

V.V. Nurkova

Ph.D. in Psychology, associate professor at the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

The author reviews various studies on sociocultural determination of the development and functioning of autobiographical memory as a specific personality and cognitive system. The author compares these studies with her own findings which indicate the possibility of elaborating more thoroughly upon the topic using the ideas developed within L.S. Vygotsky's school of thought.

Key words: autobiographical memory, childhood amnesia, reminiscence bump effect, cultural-historical approach.

References

1. Adler A. Nauka zhit'. Kiev, 1997.
2. Vygotskii L.S. Lekcii po pedologii 1933–1934 gg. Izhevsk, 1996.
3. Vygotskii L.S. Razvitie vysshih psichicheskikh funkci. Sobr. soch.: V 6 t. T. 3. M., 1983.
4. Masolova G.Yu. Charakteristiki vospominanii o detstve kak instrument ocenki psichologicheskogo blagopoluchiya lichnosti // Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya studentov, aspirantov i molodyh uchenyh «Lomonosov-2007»: Sbornik rabot. M., 2007.
5. Naissier U. Pamyat': kakie voprosy vazhny? // Kognitivnaya psihologiya pamyati / Pod red. U. Naissera, A. Haimena. Spb.-M., 2005.
6. Nurkova V.V. Zerkalo s pamyat'yu: Kul'turno-istoricheskii analiz fenomena fotografii. M., 2006.
7. Nurkova V.V. Pamyat' // Obshaya psihologiya. V 7 t. / Pod red. B.S. Bratusya. T. 3. M., 2006.
8. Nurkova V.V. Rol' avtobiograficheskoi pamyati v strukture identichnosti lichnosti // Mir psihologii. 2004. № 2.
9. Nurkova V.V. Svershennoe prodolzhaetsya: Psihologiya avtobiograficheskoi pamyati lichnosti. M., 2000.
10. Nurkova V.V., Mitina O.V., Yanchenko E.V. Avtobiograficheskaya pamyat': «Sgusheniya» v sub'ektivnoi kartine proshlogo // Psichologicheskii zhurnal. 2005. № 2.
11. Nurkova V.V., Nikanorova L.V. Ontogenez avtobiograficheskoi pamyati v svete teorii Zh.Piazhe // 15th Advanced Course of the Jean Piaget Archives: Abstracts. Geneva, 1998.
12. Piazhe Zh. Izbrannye psichologicheskie trudy. M., 1994.
13. Sapogova E.E. Avtobiograficheskii narrativ v kontekste kul'turno-istoricheskoi psihologii // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2005. № 2.
14. Freid Z. Izbrannoe. M., 1989.
15. Shahtel' E.G. K voprosu o pamyati i amnezii na sobytiya detstva // Kognitivnaya psihologiya pamyati / Pod red. U. Naissera, A. Haimena. SPb.; M., 2005.
16. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. M., 1996.
17. Berntsen D., Rubin D.C. Emotionally Charged Autobiographical Memories Across the Life Span: The Recall of Happy, Sad, Traumatic, and Involuntary Memories // Psychology and Aging. 2002. Vol. 17.
18. Fivush R. Maternal Reminiscing Style and Children's Developing Understanding of Self and Emotion // Clinical Social Work Journal. 2007. Vol. 35.
19. Haden C.A., Haine R.A., Fivush R. Developing narrative structure in parent – child reminiscing across the preschool years // Developmental Psychology. 1997. Vol. 33.
20. Hayne H. Earliest memories in Maori New Zealanders // Memory. 2000. Vol. 8. № 4.
21. Loftus E.F., Ketcham K. The Myth of Repressed Memory. N.Y., 1994.
22. Mullen M. Earliest memories of Caucasian Americans and native Koreans // Cognitive Development. 1995. Vol.10. № 3.
23. Nelson K., Fivush R. The Emergence of autobiographical memory: A Social cultural developmental theory // Psychological Review. 2004. 111.
24. Evolution and Development of Human Memory Systems // B. Ellis & D. Bjorklund (eds.). Origins of the Social Mind: Evolutionary Psychology and Child Development. N.Y., 2005.
25. Pillemer D.B. What is remembered about early childhood events? // Clinical Psychology Review. 1998. № 18 (8).
26. Rubin D.C., Berntsen D. Cultural Life Scripts Structure Recall from Autobiographical Memory // Memory & Cognition. 2004. Vol. 32. № 3.
27. Rubin D.C. The distribution of early childhood memories // Memory. 2000. Vol. 8. № 4.
28. Rubin D.C., Wetzler S.E., Nebes R.D. Autobiographical memory across the adult lifespan // D.C. Rubin (ed.). Autobiographical memory. Cambridge, 1986.
29. Shum M.S. The role of temporal landmarks in the autobiographical memory processes // Psychological Bulletin. 1998. № 124.
30. Siegler I.C., George L.K. Sex differences in coping and perceptions of life events // Journal of Geriatric Psychiatry. 1983. Vol. 16.
31. Tulving E. Origin of Autonoesis in Episodic Memory // H.L. Roediger III and J.S. Nairne et al. (eds) The Nature of Remembering: Essays in honor of Robert G. Crowder. Washington, 2001.
32. Wang Q. Infantile amnesia reconsidered: A cross-cultural analysis // Memory. 2003. № 11(1).
33. Wang Q., Leichtman M.D., Davies K.I. Sharing memories and telling stories: American and Chinese mothers and their 3-year-olds // Memory. 2000. № 8.
34. Wetzler S.E., Sweeney J.A. Childhood amnesia: An empirical demonstration // D.C. Rubin (ed.). Autobiographical memory. Cambridge, 1986.